

ОЗЕРОВ Владислав Александрович [1769-1816] - русский драматург начала XIX в., происходил из старинного дворянского рода Тверской губ., учился в Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, принимал участие в военном походе. В 1804 перешел на гражданскую службу - в лесной департамент, но вследствие служебных неприятностей вышел в отставку в 1808. В 1809 О. уехал в свое единственное, очень незначительное поместье (Красный Яр, Казанской губ.), где в одиночестве провел несколько лет и заболел тяжелой болезнью, перешедшей в помешательство.

О. начал свою лит-ую деятельность с французских стихов и переводов с французского, написал несколько од, лирических стихотворений и басен, но в истории лит-ры он представляет интерес исключительно как автор четырех трагедий: "Эдип в Афинах" [1804], "Фингал" [1805], "Дмитрий Донской" [1807] и "Поликсена" [1809]. Ода и лирика его не возвышаются над посредственностью, басни же интересны лишь темой, к-рая автобиографична для О.; из четырех басен три трактуют тему судьбы дарования и бездарности. Первой ступенью к овладению искусством трагедии была слабая во многих отношениях, но уже характерная для художественного метода О. трагедия "Ярополк и Олег" [1798]. Как видно из заглавий, О. брал содержание своих трагедий из русской истории, из античной лит-ры и из макферсоновского Оссиана ("Фингал"). Однако было бы совершенно излишним ставить вопрос о близости О. к тем источникам, откуда он черпал формально свой материал, и тем более упрекать его в искажениях, как это делали многие его критики. Надо признать, что Эдип и Антигона, Поликсена и Агамемнон О. ничего не имеют общего в характерах с героями древнегреческой трагедии, так же как Дмитрий и Олег - с соответствующими лицами из русской истории. Причина этого заключается не в незнании греческого яз. и русских летописей, а в той задаче, с к-рой О. подходил к взятому материалу. Ни исторической ни бытовой трагедии у О. искать нельзя, нет у него и трагедии классической. В последней силой, руководящей героями, причиной трагической коллизии, была судьба (в античной трагедии), долг, честь (Корнель). Но уже Расин во Франции в значительной степени дал перевес чувству - страсти - над долгом в руководстве человеческими поступками. О., нашедший много родственного себе у Расина и потому часто подражавший ему, поставил чувство на пьедестал, подчинил ему все поведение человека, причем само чувство стало у него равнозначимым не страсти, а "чувствительности" (любимое выражение самого Озерова). Его герои - Дмитрий, Олег, Фингал, Эдип, а особенно героини - Предслава, Антигона, Монна, Ксения, Поликсена - люди чувства, нежного и мечтательного, через к-рое они воспринимают все их окружающее. Чувство делает человека героем, делает его гуманным, всепрощающим, свободным от узких понятий морали, долга, от религиозных суеверий.

Реформируя русскую трагедию в сторону психологизма, О. пытался пойти по тому же пути, по к-рому повел русскую прозу Карамзин. Сентиментализм О. и Карамзина был социальным явлением одного порядка: средне-поместное дворянство, отражая тенденции капитализации, культом человеческого чувства, индивидуального "я" противопоставляло свое значение официально господствующей внутриклассовой группе - феодальной знати, аристократии. В трагедиях О. можно указать много прямых свидетельств отрицательного отношения к "вельможеству" и защиты "простого состояния". "Счастливее стократ, кто в неизвестной доле/ Рождением сокрыт, в своей свободен воле/ И может чувствами души располагать" (из речи Дмитрия Донского Бренскому, д. I. явл. V). Из того же источника идет протест против религиозных суеверий в защиту пантеистического чувства ("Фингал"), против патриархально-бытового гнета (судьба женщины, жалоба Ксении), против условностей понятий долга и морали и тех жестокостей, к которым они приводят.

Необходимо отметить однако, что, ведя борьбу против аристократического классицизма, О. не сумел полностью преодолеть его влияния. Это объясняется общей социальной сущностью сентиментализма, возникшего на той же базе крепостнического усадебного хозяйства, несколько более приспособленного к новым тенденциям капитализации. Внешняя форма классической трагедии почти не была изменена О. Имена героев, сюжеты и мотивы заимствованы из "героических" эпох истории, классические "три единства" остаются в силе, риторика монологов и диалогов вполне соответствует понятию о "высоком" стиле трагедии, изображение толпы, наличие вестников и многое другое осталось у О. в том же виде, в каком он нашел их в классической трагедии конца XVIII в. Эта двойственность в сильнейшей мере отразилась на художественной ценности трагедий О.

Еще при жизни О. стал предметом борьбы лит-ых партий. Крепостники, бывшие в то же время и защитниками лит-ры строгого классицизма, негодовали на О. за его "слезливость", за превращение героев в чувствительных любовников. Партия либеральной дворянской молодежи, сильно захваченная